

МОВЛА ГАЙРАХАНОВ

БАТА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Мовла Гайраханов
Бата. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Гайраханов М.

Бата. Сборник рассказов / М. Гайраханов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857587-7

Каждая эпоха имеет свои особенности. Порой литературные произведения оставляют больше сведений о временах и народах, нежели исторические факты. Наш век был насыщен событиями, и описание человеческих судеб позволяет иметь представление о времени, в котором нам выпало жить. В этом сборнике собраны рассказы о людях, которые прошли через войны, депортации, проявляли свои лучшие человеческие качества в обыденной жизни. Лучшие из них оставили для потомков примеры, как нужно жить и как нужно умирать.

ISBN 978-5-44-857587-7

© Гайраханов М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Башни строят из камней	7
Башни строят из камней	7
Заснеженное поле	10
Бата	13
Были люди	16
Белый хлеб	18
Долинка (Карлаг)	20
Дела давно минувших дней	22
Невежливый кот	25
Дым отечества	27
Даймохк – край отцов	30
Моя Чечня!	32
Правда солдата	35
Правда солдата	35
Хумайд Гайраханов	39
Победитель	42
Под Сталинградом	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Бата

Сборник рассказов

Мовла Гайраханов

© Мовла Гайраханов, 2017

ISBN 978-5-4485-7587-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Каждая эпоха имеет свои особенности. Порой литературные произведения оставляют больше сведений о временах и народах, нежели исторические факты. Наш век был насыщен событиями, и описание человеческих судеб позволяет иметь представление о времени, в котором нам выпало жить.

В этом сборнике собраны рассказы о людях, которые прошли через войны, депортации, проявляли свои лучшие человеческие качества в обыденной жизни. Лучшие из них оставили для потомков примеры, как нужно жить, и как нужно умирать.

Башни строят из камней

Башни строят из камней

Широкая казахская степь лежала под толстым слоем снега. Кавказ не ведал такой власти снежного урагана. В первые годы высылки переселенцы из южных краев с тревогой в душе вслушивались в ужасные угрозы ветра. Белоснежная пыль вздымалась над землей, кружилась в бешеном танце. Иногда ветер ревел, иногда рычал, заставляя трепетать души людей. Прошли годы, и люди научились жить в этом краю, где нет гор, радующих глаз, густых лесных чащ и быстроводных рек, а есть степь, бескрайняя и безграничная.

Маленький поселок под Карагандой зарылся в снежных сугробах, затаился от ярости ледяного ветра, который вымещал свою злобу над незащищенной и безбрежной степью.

Ветер бился о деревянные стены барачков, рвал двери с петель, стучался в окна и стремился проникнуть через щели в дом, чтобы распространить свою власть над пространством, согреваемым железной печкой.

Люди познали крутой нрав ледяного ветра в степном краю и научились укрощать его, завоевав для себя маленькие уголки, недоступные его ярости.

Буря успокоится, показав свой крутой нрав, необходимо просто переждать его, ограничив свое пространство стенами барака и временем его беспредельного неистовства.

Семья спецпереселенцев из Чечни собралась вокруг железной печи. Блики огня в печи гуляли по стенам, черному глиняному полу, деревянной тахте, покрытой бараньими шкурами. Деревянные нары служили в доме и постелью, и молельной, и почетным местом для приема гостей. Кавказцы привыкли встречать гостей. Бедный дом – это не жилище без еды, это дом без гостей. Чем более хозяин дома достоин почитания, тем больше гостей приходят в его дом. Это и дань уважения, и возможность набраться ума и мудрости от человека, который доказал, что обладает и тем, и другим.

В этом доме редко проходил день, чтобы не было гостей, и хотя хозяин дома не был стариком, его рассудительность, знание законов старины и умение разрешать споры приводило к его порогу тех, кто искал справедливости или простого человеческого общения.

Брошенные на произвол судьбы в казахских степях, чеченцы пережили голод, холод, унижения режима, ограничивающего свободное передвижение, но все же 44-й год остался позади. Он принес огромные мучения, смерти тысяч и тысяч людей, но народ выстоял и выжил, сохранил свои обычаи и сумел отстоять свое место под солнцем.

В деревянном бараке при свете печного огня бабушка вязала носки для внуков. Три сорванца, растущие без матери, сумели влиться в беспокойную жизнь поселка. Рано оставшись без материнской любви и ласки, они научились обходиться без них. Они познали, что такое голод, каково мерзнуть у остывшей печи, когда на улице бушует ураган.

Бабушка была тем берегом, к которому пристала лодка с сиротами. Несмотря на горе и несчастья, которые ей пришлось пережить, она находила в себе силы для любви и добра, она умела дарить надежду. Рядом с ней все невзгоды казались временными и решаемыми. Бабушка научилась безропотно выносить удары судьбы, какими бы тяжкими они ни были. В далеком 33-м году глубокой ночью беда постучалась в дверь их бедной сакли. Стук был властный и сильный. Так стучали те, которые приносили с собой горе. Ее тяжело больной муж был уложен в сани и увезен чекистами. Больше в живых его никто из родных так и не увидел, новая власть утверждалась за счет убийства тех, кто не хотел отказываться от своей веры и убеждений. Как бы тяжело ни было, она пережила гибель мужа, ей нужно было поставить на ноги двух сыновей и дочь. Старший сын рос рассудительным юношей, ему рано пришлось взвалить

на свои плечи бремя хозяина. Младший, словно вольный ветер, не мог оставаться на одном месте. Прошли годы, он вырос статным и сильным парнем. Когда началась Вторая мировая война и зазвучал призыв пойти в Красную армию добровольцем, он сделал свой выбор. Поезд увез его на запад, и мать никогда больше не увидела своего любимца, хотя всю свою жизнь ждала его с войны.

Выселение народа в феврале 44-го года стало для нее настоящим ударом. Она привыкла ждать от властей вероломства, но ее бедное сердце не могло смириться с тем, что в далекую ссылку будут отправлены ее дети и внуки. Тяжелый и страшный путь в холодных вагонах под окрики и грубую брань конвоя не выдержала невестка. Ее тело одной из первых предали земле под заунывный вой ветра в казахской степи. Однако беды бабушки на этом не закончились. Ее дочь вышла из барака во время урагана и не вернулась. Тело девушки нашли только весной. Она потеряла дорогу, блуждала в степи, пока не замерзла. Казалось, что такое горе способно сломить волю самого сильного человека, но бабушка не могла думать о себе, о своих бедах, она заменила сиротам мать и думала только о них. Она отдавала последний кусок хлеба своим внукам, но часто случалось так, что у нее не оказывалось и этого последнего куска.

В десяти километрах от поселка проходила железная дорога. Старший мальчишка тайком от бабушки вместе со своими сверстниками-чеченцами влезали на платформы с углем и, по ходу движения эшелона, скидывали его. Уголь – это огонь, уголь – это тепло, когда весь мир окутывает холод. Они добывали это тепло для своих семей.

Мальчишек называли врагами народа, их лишили отчизны и матери, весь мир отвергал их, но они были сильны, как горы, которые взрастили их, они умели вращаться в землю, на которой они оказались, как деревья из их родного края вращались в каменистые скалы.

У мальчишек была своя правда жизни. Чужие слова не имели смысла, они были лживы и враждебны, внять им – значит погибнуть, как погибли сотни тысяч их соплеменников. За углем вели охоту и другие ребята из поселка. Иногда мальчишеская вражда перерастала в открытое противостояние, но аборигенам не хватало стойкости духа, присущего переселенцам. Тем было что терять, этим – нечего. За несколько килограммов украденного угля мальчишки могли оказаться в тюрьме, но они умели рисковать и не попадаться в руки тех, кто обрек их на верную гибель.

Время урагана – это единственное время, когда мальчишки оставались целыми днями дома. Они сидели и, затаив дыхание, слушали рассказы бабушки о далекой Родине, о большой чинаре, что растет в их дворе, о белой сакле, покрытой камышом. Когда-то из этого двора уходил в армию их дядя, лихой конник, который мог на своем скакуне обогнать ветер. Быстрый Терек нес свои мутные воды, густой лес, который окружает реку, был особенно красив весной, когда ландыши наполняли воздух своим душистым ароматом. Узкая дорога, пролегающая через лесную чашу, вела к мельнице, чьи тяжелые жернова ворочали стремительные воды Терека. Каково им теперь, осиротевшим и оставшимся без своих детей?

Вера бабушки в то, что они вернуться домой, была безгранична. Бумага, на которой был написан приговор о вечном переселении, была всего лишь бумагой, оскверненной человеческой ненавистью и беззаконием. Вечность недоступна людям без веры, а значит, их слова о вечной каторге – всего лишь очередное заблуждение, за которое неминуемо последует кара Того, Кто владеет вечностью.

Разговор бабушки затихал, когда отец начинал молиться. Слова молитвы были той истиной, которая была выше всякой клеветы, выше всех приговоров тех, кто жил без веры. Потом молилась сама бабушка, молилась долго и усердно, молилась за души своих детей, покинувших этот мир, молилась за сына, который остался у нее единственным из всей большой семьи, молилась за внуков, которые страдали от голода и холода без материнской ласки и заботы.

Молитва была таинством, о ней никто не должен был знать. Молитва пугала тех, кто был у власти и жил в неверии. Молитва была тайной, которую не выпытал бы у детей никто, молитва

была истиной и дарила надежду на то, что будет услышана и принята. Казалось, что молитва согревала стены барака, утоляла чувство голода, придавала силы жить, жить и выживать для того, чтобы вернуться на Родину.

Пройдут годы, тринадцать лет испытаний и страданий, тринадцать лет тоски по Кавказу. Мальчишки повзрослеют и возмужают в казахстанских степях. Они прожили свою молодость, оторванные от Родины, но сохранили обычаи своего народа, остались верными заветам своих отцов.

Молитвы выселенных мусульман были приняты Всевышним, они вернулись в родной край. Чеченцы и ингуши, балкарцы и карачаевцы были сделаны из кавказской каменистой почвы и снова могли стать частью родной земли. Каждый народ должен жить и умирать на своей земле. Казахи должны вливаться в степь, становиться ее частью, частью ее заунывных мелодий. Из костей же чеченцев должны родиться камни, из которых возводятся горы и строятся башни.

Заснеженное поле

Шел снег. Снежные хлопья спускались с поднебесных далей и мягко ложились на землю, застилая ее бесконечно большим белым ковром. Мир застыл, казалось, природа замерла в изумлении от собственной красоты. Мороз заковал в блестящие ледяные оковы пруды и речки, и только стремительный Терек не поддался его силе, неся свои бурлящие воды к большому морю. Зима вступила в свои права, и все живое укрылось в поисках тепла, отступая под ее морозным напором. Я сидел перед окном своего теплого и уютного дома и вглядывался в снежные дали, которые медленно исчезали за сплошной стеной падающих снежинок.

Чистый белый снег вернул мысли в детство, когда увидел, выглянув утром через окно, как преобразился мир и мороз разрисовал причудливыми узорами стекло. Счастье, переполнявшее в детстве, возвратилось, чтобы наполнить жизнь новыми красками.

В далеком феврале 1944 года мой дед вглядывался в те же самые дали, и я чувствую, что его сердце также было переполнено любовью к ним. Говорят, что он был очень мудрым человеком. Его оружием было слово, опиравшееся на Божественные заповеди. Прошло почти полвека, как он покинул сей бранный мир, но люди помнят его и то, как он мирил людей и гасил вражду посредством слов.

Ночью 22 февраля в его дверь постучали. Это не был стук людей, нуждающихся в помощи. Так стучались те, кто уводил в неизвестность его отца и многих других односельчан, но теперь шла война. Все были объединены одним горем, жили одной надеждой на победу, надеждой на возвращение близких и родных людей с войны. Сельчане отвыкли от этого стука, но в эту ночь он вновь властно зазвучал во многих домах. Мужчин собрали за околицей села. Сказали, что нужно расчищать дороги, но резко ударил в глаза свет прожекторов, из-за деревьев вышли вооруженные солдаты и направили оружие на сельчан. Безжалостные стволы пулеметов бесстрастно вглядывались в толпу безоружных людей, готовые в любую минуту разразиться свинцовым губительным огнем. Белые хлопья снега ложились на землю, пронизывающий холод царил в черной дали бесконечно долгой ночи. Солдаты, которые еще вчера казались родными и близкими, сегодня были готовы убивать тех, кто искренне делился с ними кровом и последним куском хлеба. Стоило кому-нибудь сделать хоть одно неверное движение, и заснеженное поле могло стать братской могилой. Мудрый имам потребовал стойкого терпения и молитв от своих собратьев, хотя молодежь была готова ринуться в последнюю атаку, чтобы подороже отдать свои жизни.

О чем и о ком думал мой дед?

Наверное, дед думал о своей матери. Каково было ей оставаться в опустевшем доме с потерянной снохой и малолетними внуками. Один ее сын воевал с фашистами, второго увели в неизвестность солдаты, которые носили ту же форму, что и ее сын-воин.

Дед верил, что молитвы матери станут щитом между ним и неведомой опасностью. Его онемевшие губы шептали суру из Корана:

Во имя Аллаха, Всемилостивого и Милосердного!

Скажи:

«Он, Аллах, един,
Извечен Аллах один,
Не рождал Он и не был рожден,
И с Ним никто не сравним».

Людей терзал холод, но больше всего мучила неизвестность. Время остановило свой бег. И только к утру, когда предрассветная синяя мгла рассекла черную темень ночи, со стороны

села начали раздаваться непрерывный лай собак и мычание коров. Толпа людей заволновалась. Обеспокоенные за судьбы своих семей, они могли пойти на отчаянные действия и погубить себя. Однако в мире не случается того, чему не суждено случиться, и нельзя миновать того, чему предначертано произойти. Измученным от холода и неизвестности сельчанам объявили, что весь чеченский народ подлежит высылке за измену Родине. Имам оказался прав, нужно было выжить, чтобы спасти свои семьи от ужасной участи, приготовленной безбожной властью. В жизни порой так происходит, что умереть легче, чем жить, но нужно выживать для того, чтобы сохранить жизни тех, кто зависит от тебя.

Почти все, кто в тот скорбный день стоял на этом поле, находятся в мире ином, и со всех сполна спросится, и всем воздастся за дела их и намерения. Я вглядываюсь в это заснеженное поле, и мое сердце наполняется скорбью. Здесь мои предки подверглись тяжкому испытанию, но они достойно выдержали его. Долгие тринадцать лет они скитались по бескрайним казахским степям, лишённые своей Чечни и этого поля, которое в ту суровую ночь было для них родным, а для их палачей – чужим и враждебным. Чеченцы никогда не предавали своей Родины, и их Родина никогда не предавала их. Кто-то очень коварный и бессердечный задумал разлучить их друг с другом, но кровавый палач не ведал, что нельзя разделить неразделимое.

Толпы беззащитных женщин, детей и стариков сгоняли в центр села и загружали в «студебекеры». Непрерывный плач разносился над землей, люди выплескивали свое горе, не в силах вынести разлуку с Отчиной. Холодный зимний ветер выл от тоски, от жестокости людей, не ведающих, что они творят.

«Скотские» вагоны ждали на заснеженных путях, чтобы увезти в неведомую даль униженный и оскорбленный, но не покоренный народ. Ошеломленные неожиданным горем люди не потеряли своей чести и гордости на тяжком пути изгнания.

Холод, голод и болезни косили людей, судьба проверяла чеченцев на стойкость духа. Заупокойная молитва мусульман «Ясин» провожала в последний путь тех, кто оставался лежать на бескрайних полях, не погребенным по человеческим законам.

Казахстан сплотил чеченцев. Выпавшие на их долю суровые испытания невозможно было преодолевать поодиночке. Сильные помогали слабым, никто не верил вероломной власти, и все выполняли волю своих старших, чьи слова опирались на Божественные заповеди.

Через тринадцать лет Всевышний Аллах вернул вайнахов на родную землю. В первую очередь люди устремились к могилам предков и нашли их оскверненными. Безбожная власть боялась и ненавидела не только живых, но и мертвых.

Идут годы. Каждой зимой поле за околицей моего села покрывается снежным одеялом.

Деревья молчаливо хранят тайны прошлых лет. Но они помнят, как под дулами автоматов наших дедов через понтонный мост уводили на другой берег Терека. Много воды утекло с тех пор, но старики не любят вспоминать этот скорбный февральский день. По всей видимости, не любят вспоминать этот день и те, кто наводил автоматы на безоружных и беззащитных людей. Сколько лет прошло, а никто не публикует свои воспоминания и мемуары о том, как они уводили в ночь мужчин якобы на помощь для очистки дороги, забирали из домов беззащитных стариков, женщин, детей.

Никто не хвастается таким подвигом, понимая, что стали частью системы, вершившей великую подлость и несправедливость.

А вековые деревья и заснеженное поле радуются тому, что мы вернулись домой. Теперь это поле и моего детства. Там мы любили кататься на санках, играть в снежки, лепить снежных баб. Это поле стало частью моего восприятия нашего мира.

Увы, есть еще на белом свете люди, готовые оправдывать тиранию. Они никогда не видели заснеженного поля, которое запомнило ту ночь перед высылкой, они не способны прочувствовать и понять то, о чем рассказывает поле своим детям и скрывает тайну от их

недругов. Они не способны вынести и десятой доли того, что перенесли наши отцы и деды, они не ведают, что такое честь, их дух не питается силой веры.

А мы помним и скорбим! В наших сердцах отдается болью каждый шаг наших дедов с этого поля, отдается болью каждый миг из бесчисленных минут и часов, проведенных под дулами автоматов и пулеметов. И не осталось места в наших душах для мести, потому что тираны и палачи, а также их жертвы сейчас там, где вершится только справедливое возмездие. Мы верим, что каждому воздастся по заслугам.

Бата

Широкая казахская степь лежала под толстым слоем белого снега, и хотя апрель уже вступил в свои права, зимний ветер по-прежнему разносил снежные вихри по бескрайним просторам.

Бата стоял у края глубокой могилы, невидящим взглядом уставившись в мерзлые комки желтой степной глины. С раннего утра в эту чужую для себя землю вгрызались его полуголодные родственники, она приходилась мачехой не только для живых, но и для мертвых. Чтобы похоронить в этой земле покойника, людям приходилось затрачивать невероятные усилия, и оттого она становилась еще более чуждой для переселенцев с Кавказа.

Сегодня эта могила должна была стать местом последнего приюта для его жены, матери трех малолетних сыновей. Хрупкая женщина не вынесла тяжести испытаний, выпавших на долю всего чеченского рода. Она одной из первых выселенцев покинула этот свет, чтобы освободиться от бремени грешного мира.

Мужчины молча работали лопатами и боялись подобной участи быть похороненными в чужой земле. Заунывное пение «Ясина» – заупокойной молитвы мусульман – гармонично сливалось со звуками степного ветра и растворялось в снежной дали. Мысли уносились в прошлое, и только они, мысли, могли свободно возвращаться на родную землю, и никакие кордоны НКВД не могли этому воспрепятствовать.

Мысли Баты в этот скорбный для него час находились в Чечне. Их маленький глинобитный домик, покрытый камышом, скрывался в тени большого тутовника. Отец любил сидеть под этим деревом и, перебирая четки, возносить молитвы Всевышнему Аллаху. Их небольшое село, расположенное на берегу буйного Терека, часто подвергалось нападениям. В такие времена мужчины брали в руки оружие и шли защищать свои дома. Плата за возможность жить в этом благодатном краю была непомерно высока. Но предки на протяжении веков готовы были платить своими жизнями за то, чтобы жить и умирать в родном краю. Они не строили больших домов, не искали богатств и денег. Хорошее оружие и добрый конь составляли все богатство чеченца. Суровый быт воинов требовал аскетизма во всем, презрение к собственной жизни стало законом жизни, и потому не щадили и жизней многочисленных врагов.

Много раз жителям приходилось покидать родное село и уходить в горы, чтобы там, под снежными вершинами и в глубоких ущельях, давать достойный отпор несметным полчищам врагов. Но когда опасность отступала, они вновь возвращались в эти места, к могилам предков.

Ровно одиннадцать лет назад глубокой ночью представители новой власти – чекисты – окружили его дом и забрали отца. В ту ночь сотни односельчан были погружены на подводы и увезены на железнодорожную станцию за Терек, откуда их в вагонах повезли в Грозный. Отец в те дни тяжело болел, но это не остановило чекистов. Испуганная мать стояла в углу, прикрывая лицо краем платка. Двое сыновей-подростков были готовы умереть за отца на этом пороге, но его требовательный взгляд заставлял их стоять и смотреть, как уводят в темноту безжалостной ночи самого близкого человека. С тех пор прошло одиннадцать лет, но Бата запомнил этот миг на всю свою жизнь.

Целый месяц он делал все, чтобы спасти его жизнь. Была собрана приличная сумма денег для алчных чекистов, но эти люди хорошо знали нравы тех, с кем имели дело. Даже безжизненное тело чеченца имело свою немалую цену, и поэтому за убийства в ЧК получали мзду с родственников убитых.

Ровно через месяц после этой страшной ночи Бата отдал все деньги за то, что ему укажут место, где похоронен его отец. Тогда на окраине города выросло целое кладбище расстрелянных людей. Глубокой ночью он раскопал указанную могилу, но в ней оказался незнакомый ему

человек. Тогда он раскопал соседнюю могилу, но опять неудачно. Так он трудился до самого рассвета. В последней раскопанной могиле он нашел труп односельчанина.

Чекисты не имели совести, забрав деньги, они обманули его. Тогда Бата не сумел найти останки своего отца. Увы, на родовом кладбище никогда не будет отцовской могилы и в Судный день он встанет в другом месте, но Бата сумел принести весть о месте захоронения их отца другим людям.

Тогда он был молодым юношей, но Бог дал ему терпения и мужества, чтобы пройти сквозь тяжкие испытания. Будучи на Родине, он лишился самого святого для всех чеченцев места – могилы родного отца, сегодня же, будучи зрелым мужчиной, он стоял у могилы жены, но уже не имел Отчизны.

Бата был убежден, что Всевышний Аллах вернет его народ на родную чеченскую землю, и уже его сыновья не будут иметь возможности приходить к могиле матери.

К власти в этой стране пришли люди, которые отбирали у людей не только жизни, но и могилы предков. Такое варварство могло прийти в голову только одному дьяволу, и потому Бата относился к представителям этой власти как к слугам дьявола.

Мулла читал свою заунывную молитву, напоминающую о бренности всего сущего, молитва напоминала о том, что венцом всякой жизни является смерть, и каждый из живущих существ должен вкушать ее горечь.

Бата рано остался без отца, и хотя он был частью своего рода, ему всегда не хватало его. Он постоянно старался во всем походить на него – походкой, манерами, разговором и даже образом мышления. Каждый свой поступок он мерил той оценкой, которую мог дать отец. И если в его жизни происходило что-нибудь такое, что могло отцу не понравиться, Бата замыкался в себе и становился мрачным и нелюдимым.

Сегодня в его семью пришла страшная беда, ушла из жизни мать его трех малолетних сыновей. Он сам испытал на себе сиротскую долю, и знал, что это такое. Теперь эта участь выпала его детям. Однако Бата был уверен, что на все воля Бога, ни один из стоящих на похоронах людей не мог его упрекнуть в слабости или малодушии. Его сердце превратилось в камень в ту черную ночь, когда он вглядывался в лица раскопанных им из могил мертвецов. Он не боялся их, ибо каждый из них, возможно, еще вчера стоял в одной шеренге с его отцом, когда безжалостный свинец из маузеров обрывал их жизни.

Все они были ему родными и близкими, потому что разделили судьбу его отца. Очищая их лица от прилипшей вместе с кровью земли, Бата читал над ними «Ясин», последнюю молитву мусульман, читал с сыновней любовью, потому что знал, что их сыновьям такое право уже не дано.

Однако могил было много, очень много. Казалось, одной человеческой жизни было мало, чтобы всех убитых предать земле по мусульманским обычаям. Вокруг было так много горя, что сердце человека не было способно его вместить, и тогда оно окаменело и стало тверже железа.

Он на рассвете ушел из этого места, как и обещал, но там, увы, остались его юность и мечты. Бата не помнил, как его лошадь добралась до Терского хребта, сам он шел рядом с арбой, но скрип деревянных колес арбы усилился на подъеме, и этот звук вернул его к действительности.

Весеннее солнце уже выглянуло из-за горизонта и согревало землю своими теплыми лучами. Дорога петляла по Терскому хребту, зеленое разнотравье разносило душистый аромат по всей округе. Казалось, чего человеку не хватает в этом мире, почему он убивает себе подобных, убивает методично, присвоив себе право безжалостно карать других людей.

Запахи весны уже не волновали душу юноши, пение птиц не ласкало слух. Перейдя через хребет, он специально выбирал малолюдные дороги, и его лошадь спокойной поступью вступила в село, когда на улице уже начало темнеть.

Обогнув село, Бата подъехал к его дальней окраине и остановился возле дома расстрелянного односельчанина. Пожалуй, в любом другом случае смерть близкого и любимого человека вызвала бы чувство неимоверной печали, и всякий человек, принесший известие о гибели родственника, выглядел бы недобрый вестником. В данном же случае появление Баты, который, позвав хозяина дома, прочитал молитву по усопшему, стало сродни явлению небесного ангела.

До людей доходили слухи о жестокой участи, постигшей их родственников, многие потеряли надежду получить хотя бы их останки, и вот в этом доме появился человек, который принес весть о месте захоронения отца их семейства.

За подобное «счастье» Бата отдал бы все на свете, но судьба не предоставила ему такой возможности, и ему пришлось с этим смириться. И только то, что он сумел другим людям подарить недостижимое для него счастье, в какой-то мере глушило пожар, который горел в его собственной душе.

Новая власть не могла простить ему подобного благородства. Дарить, продавать или отнимать счастье была только ее прерогативой. Тех, кто вольно или невольно замахивался на это право, ждала неминуемая расправа.

Тогда Бата сумел перехитрить представителей ЧК. Он забрал своих домочадцев и исчез из села. За Сунжей жили его дальние родственники, которые и приютили его с семьей.

Однако власть не собиралась прощать нанесенных ей обид. И так как таких, как он, не способных стать стадом покорных рабов, было много на этой земле, весь народ в один день выслали в бескрайние степи Казахстана.

Снежный ветер безжалостно бил в лицо, злая беспощадно-холодная зима властвовала над бескрайней степью. Бата понимал, что людей нужно быстрее отпускать в свои бараки, но старый мулла не хотел нарушать вековой обряд, каждая молитва имела свое значение и смысл. Посиневшие губы шептали суры из Корана, люди, воздев к небу промерзшие насквозь руки, повторяли: «Амин!»

В доме вместе с бабушкой находились полуголодные дети, которые еще не осознавали всей глубины постигшей их беды. Малыши верили, что мать вернется, приласкает и накормит их. Нана должна обязательно вернуться, потому что не может бросить их, каждый скрип двери привлекал их внимание, но приходили чужие женщины, которые, прикрыв свои лица краем платка, тихо плакали в унисон ветру, завывающему за стенами деревянного барака. Каждая из них сопереживала не только чужому горю, но и изливала муки своей души, лишенной Родины.

Группа чеченцев шла из снежной степи в сторону бараков. Впереди степенно шел старый мулла, все остальные почтительно шли за ним, отдавая дань уважения его старости и мудрости.

Плохо одетые, замерзшие люди шли, исполнив свой долг, предав земле соплеменницу, в соответствии с требованиями веры и обычаями предков.

Жители поселка выглядывали через окна своих домов, изумленные силой духа чеченцев. Простояв несколько часов на морозе под обжигающим ледяным ветром, они медленно следовали за своими старцами, не замечая силу разбушевавшейся стихии.

P.S. Пройдут годы, и Бата покинет этот бранный мир. Его останки будут покоиться в родной земле, а рядом с его надгробным камнем сыновья поставят надгробный камень и для своей матери, которая осталась лежать в бескрайней казахской степи.

Были люди

В далеком 44-м году, в лютую зиму, весь вайнахский род оказался в ссылке, в стылой казахской степи. Разбросанный по кишлакам и аулам, народ боролся за свое выживание, несмотря на холод, голод, притеснения со стороны властей. Клеймо предателей освобождало совесть людей, становившихся очевидцами великой трагедии маленького народа. Они почтили чужое горе воздаянием за якобы совершенные преступления. И только те, кого подвергли жестокому наказанию, не понимали, за что такая кара. А в это время из воюющей армии отправляли в ссылку чеченцев и ингушей, и понимали их собратья по оружию, что вершится большая несправедливость, и унижена наветом и клеветой отчаянная храбрость, и растоптано боевое братство. Где-то командиры спасали своих бойцов от ссылки, а где-то солдаты отдавали свои продукты тем, кто уходил в незаслуженную каторгу, несмотря на пролитую за Родину кровь и завоеванные боевые награды.

Уходили солдаты в тыл, созерцая недавние поля битв, вспоминая погибших товарищей, уходили навстречу неведомой судьбе.

Казахстан большой, и трудно было в степном краю солдату найти своих родственников. Однако народная молва лучше всякой почты. С рюкзаком, набитым продуктами, искал свою семью один молодой солдат-чеченец. И однажды в сумерки добрался он до кишлака, где жил его дядя. В убогой хижине, где были из мебели лишь нары, стол и один стул, да дымила железная печка, обитал высланный старик. Комендатура не разрешала ему воссоединиться с семьей, и вынужден был тот коротать свои дни в одиночестве. Когда вечером постучал в дверь его племянник, не было для старика большей радости. Не принято у чеченцев демонстрировать свои чувства даже близким людям, однако не смог старик не обнять племянника, и заискрились его глаза, когда увидел боевые награды на груди желанного и неожиданного гостя. Знал он, что не было предательства, воевали сыны достойно. Просто зло в очередной раз восторжествовало, как бывало не раз, и, как бывает всегда, истина победит ложь, да не суждено ему будет увидеть те времена.

Глиняный пол веял холодом, через щели гуляли сквозняки, и пищей даже не пахло в доме. Понял солдат, через какие испытания проходит старик, выложил все свои припасы на стол. Слишком долгий и тяжелый путь он проделал, чтобы добраться до своей семьи. Отец и мать с многочисленной детворой жили в соседнем селе, уже завтра он доберется до них, забрав с собой старика, и, несмотря ни на что, будет рад увидеть тех, с кем и не надеялся встретиться. Однако сморил солдата быстрый сон, укрылся он шинелью и крепко уснул на нарах. А старик остался сидеть на стуле, перед накрытым едой столом.

Утренняя стужа застудила комнату, печка давно перестала гореть, и холодное железо покрылось инеем. Привычен был солдат спать в окопах, в густой жиже грязи под дождем и в холодную зиму под завывание выюги. Иногда сон бывает сильнее холода и голода, он не нуждается в белых простынях и широких кроватях. Достаточно бугорка земли, чтобы положить голову и щели, чтобы укрыться от ветра, и в этом все счастье солдатского сна. Порой снаряды разрывают вокруг тебя землю, и враг ждет момента, чтобы ударить наверняка и уничтожить тебя, а крепкий сон восстановил силы, и способен ты постоять за себя и за тех, кто в одном окопе с тобой.

Когда-то это было незыблемой истиной, сейчас и окопы, и атаки остались только во сне, и разорванная плоть боевых товарищей, и покрытые пеленой смерти глаза врагов живут уже только в твоём сознании и будоражат его. Вот и сейчас в сознание ворвался бой, уже однажды пережитый, но оттого не менее страшный. Сердце бешено тикало, однако сознание вернулось в реальность, война осталась позади, а впереди ждет неизведанность ссылочной жизни.

Сквозь сумерки раннего утра увидел солдат, что сидит старик на стуле, закинув правую ногу на левую. Так редко делают чеченцы, только в том случае, когда хотят продемонстрировать свое благополучие и довольство жизнью. Устыдился он своей слабости, заставил старика всю ночь просидеть на стуле, вскочил с деревянных нар и замер на месте. Слишком много раз встречался он в этой жизни со смертью, чтобы не распознать ее. Прислонившись всем телом к спинке стула, старик встретил свою голодную смерть, встретил лицом к лицу, гордо закинув правую ногу на левую. Он хотел продемонстрировать ей свое благополучие и довольство прожитой жизнью. А на столе в это время лежали нетронутые продукты. Зная цену продуктам, старик решил сохранить еду для семьи брата, и даже умирая от голода, не притронулся к куску хлеба, который помог бы сохранить ему жизнь. За такие подвиги не дают наград, да и какая награда соразмерна такому деянию? Они хранятся в памяти народа и служат примером для подражания. Безвестный старик, чье имя кануло в вечность, но через годы пронесла память людская историю о терпеливом мужестве. Послушаешь такие истории, и забьется трепетно сердце, восхищаясь поступками людей, наделенных высокой честью.

Были люди, и есть примеры, как жить и как умирать.

Белый хлеб

Белый хлеб, намазанный маслом и накрытый широким колбасным кольцом, манил взгляд. Намасленная газета небрежно раскрылась, явив миру прелесть белого хлеба. Голодное нутро ощутило близость еды еще до того, как из школьного ранца был вытащен мягкий сверток. Огромным усилием воли и на этот раз Магомеду удалось отвернуться и упереться взглядом в стену, однако глаза выдавали голод. В свои десять лет мальчик никогда ни ел белого хлеба. Еще до высылки, на Кавказе, мама пекла удивительно вкусные кукурузные чуреки. Они не были столь мягкими, как этот манящий взгляд белый хлеб, но были питательными и пахли теплотой маминого сердца. Теперь из жизни Магомеда исчезли мама и чуреки, которые она пекла. Отцу удавалось доставать еду не каждый день. Черный, липкий хлеб на столе дарил радость, потому что вместе с ним приходила надежда выжить. Еще по дороге домой из школы Магомед предчувствовал, достанется ли ему кусочек черного хлеба или же придется ложиться спать, выпив теплую настойку из трав, которые бабушка собирала еще летом в скудной казахской степи.

Белокурая девочка с изумительно красивыми синими глазами каждый день на большой перемене извлекала из своего ранца бутерброд. Другие одноклассники тоже приносили что-нибудь съестное, правда, белый хлеб был не у каждого. Многие доставали из своих сумок привычный черный хлеб. От него не исходил такой ароматный запах, как от белого хлеба, но ведь он тоже утолял голод. Девчонка с русыми косичками надувала свои пухлые губы, она пренебрежительно смотрела на тех, кто ел черный хлеб, и вовсе не смотрела на своего соседа, который никогда не приносил в школу еды. Чернявый мальчишка упирался взглядом в книжку или в белую стену, пока другие дети обедали.

Магомед старался не глядеть на свою соседку, и хотя мальчик не смотрел в ее сторону во время трапезы, он физически ощущал, как девочка съедает свой обед. Это были самые мучительные минуты в его школьной жизни. Желудок начинал предательски ныть, запах хлеба и колбасы щекотал ноздри, и хотя мальчишка старался не думать о еде, все его мысли вращались вокруг белого ломтя хлеба, намазанного маслом. Это была мечта, несбыточная мечта, которая снилась ему каждую ночь. Мальчику грезилось, что девочка с синими глазами делит белый хлеб на две части и отдает ему одну половинку. На этом его сон заканчивался, мальчик просыпался и не мог уснуть, потому что голод усиливал свои мучительные пытки в предрассветные часы.

Девочка, закончив обед, намазанной газетой сметала крошки на пол и делала это очень небрежно. На парте всегда оставалось несколько крошек, которые притягивали к себе взор, мешали сосредоточиться на уроке. Синеокая девочка была беспечна до бездушия, под ее красными башмаками крошки белого хлеба смешивались с грязью. Магомед никогда бы такого не сделал. Дома раздел черного хлеба был целым ритуалом. Бабушка отрезала кусок побольше отцу, он добытчик, ему нужны силы для того, чтобы заработать на еду, на топливо, одежду для семьи, чуть меньше доставалось Магомеду, самый маленький кусочек бабушка всегда оставляла для себя. После того, как хлеб разрезался, оставались черные крошки. Бабушка аккуратно собирала их в ладошку и отдавала мальчику. Магомед слизывал их с бабушкиной ладошки, голова начинала кружиться, он давал хлебу рассосаться во рту, чтобы растянуть удовольствие.

Никто на этом свете не любил Магомеда так сильно, как его бабушка. Когда ночью мальчишка просыпался от голода, бабушка доставала из-под подушки кусочек черного сухарика и отдавала ему. Подушка бабушки была целой кладовой, под ней нередко находилось что-то съедобное. Правда, бабушка строго запрещала без спросу подходить к ней и оберегала свои запасы. Она чувствовала, когда мальчишке неважно, и старалась облегчить его страдания, и эти бабушкины запасы из-под подушки всегда доставались только ему.

Этой обычай чеченских старушек имеет давнюю историю. Внуки стремятся к своим бабушкам, потому что знают, что их любовь имеет и материальную составляющую. Под подушкой у бабушки всегда найдется нечто такое, что они хранили для любимых внуков.

Пройдут годы. Магомед повзрослеет и познает вкус белого хлеба, но перенесенный голод в детские годы на всю жизнь оставит свой след в его памяти и поступках. Он никогда не выбросит ни одного куска хлеба, он никогда не оставит за собой ни одной крошки на столе, он всегда будет относиться к еде с большим уважением и требовать того же от своих потомков.

Долинка (Карлаг)

Весеннее солнце прогрело казахскую степь настолько, что пропали последние островки снега, обнажив почерневшие стебли полыни и прутняка.

Мальчишка-чеченец, заброшенный злой судьбой в чуждые края, познавал новый для себя мир. Все же здесь и солнце было то же, что и в далеком родном ауле, и лучи его грели так же приятно и ласково, как в милой сердцу Отчизне. Всевышний создал этот мир прекрасным в своем многообразии, и детское сердце питалось этим великолепием, ощущало величие Творца, проявленное в Его творениях.

Паренек несколько далеко отошел от поселка, как и всем мальчишкам на свете, ему был присущ дух поиска новых впечатлений и приключений. Вместе с тем в глубине души трепетал страх перед неизведанным. Он еще никогда не уходил так далеко от барачков, но ноги сами несли его вперед, подальше от людей, туда, где бегали суслики из норы в нору, щебетали птички, срываясь из-под ног в небесную высь.

Мальчик впитывал запахи весны, он чувствовал страх не перед степью, горький опыт его небольшой жизни подсказывал, что нужно опасаться людей, а степь, птички и суслики никакого вреда ему не нанесут.

Как бы подтверждая опасения мальчика, на горизонте появилась черная точка, она двигалась в его сторону, но не прямо на него, а немного в сторону. Опасаясь ненужных встреч и вопросов, мальчишка укрылся за большими зарослями прутняка. Благо здесь была небольшая возвышенность, которая надежно укрывала его от чужого взгляда. Мальчик так лежал, прижавшись к теплему песку, а точка все увеличивалась и увеличивалась. Это была маленькая старушка, которая медленно брела по степи и часто-часто озиралась назад. Мальчик понял, что она чего-то очень сильно боится.

Старушка была совсем рядом, когда на горизонте появился всадник в белом расстегнутом полушубке. Он уверенно и быстро скакал по следам, оставленным старухой. Увидев преследователя, та попыталась скрыться в зарослях кустарника. Однако уже через несколько минут всадник кружил вокруг того места, где женщина пряталась. Мальчишка видел, что лошадь все так же крутилась вокруг кустарника, всадник о чем-то говорил со старухой, которая уже встала с колен. Затем всадник отъехал шагов на десять, взял прикрепленную к седлу винтовку и прицелился. Сгорбленная старуха обреченно смотрела в сторону стрелка. Зазвучал выстрел, который отбросил ее, и она упала, прижимаясь своим худым и немощным телом к земле. Всадник убедился, что вместе с его пулей душа покинула брненное тело, деловито пристроил винтовку к седлу и неспешно двинулся в обратный путь.

Став невольным свидетелем убийства, мальчишка задрожал от страха. Женщина лежала недвижно, но он боялся подходить к ней. Однако любопытство пересилило страх, иначе он бы не был мальчишкой, если бы не совершил такой безрассудный поступок. Когда силуэт всадника-убийцы пропал за горизонтом, мальчик, укрываясь за зарослями кустарников, двинулся в сторону убитой старухи. Она лежала, раскинув руки, при этом маленькое исхудалое тело сложилось в неестественный комочек. Пятно черно—бурой крови виднелось там, где пуля пробила грудь в области сердца. Grimаса страдания и боли исказила и так некрасивое старческое лицо. Мальчик не помнил, сколько он простоял возле убитой старухи. Внезапно воздух степи прорезал звук движущегося автомобиля, и он благоразумно решил укрыться в том месте, где прятался ранее.

Грузовик остановился возле того места, где произошло убийство. Солдаты в серых шинелях соскочили с кузова, схватили труп женщины за руки и ноги и небрежно закинули его в машину через задний борт. Автомобиль медленно развернулся и уехал.

Высоко в небе летал степной беркут, зорко выискивая добычу, суслики все так же перебежали из норы в нору, и птицы весело заливались своей трелью. Вроде бы ничего не изменилось, но все же случилось нечто такое, что оставило неизгладимый след в душе мальчика. Он воочию увидел жизнь в ее неприглядном свете, увидел, как обыденно и жестоко отобрали жизнь у старой женщины, и хотя мир покинула одна душа, ничего в нем не поменялось, и некому было оплакать и пожалеть старуху.

Вечером в бараке мальчишка услышал, как взрослые рассказывали, что из лагеря заключенных «Долинка» сбежала старуха. Все удивлялись, как она могла уйти от лагеря больше десяти километров, говорили, что у нее душа и так еле держалась в теле. Охранник лагеря, чтобы не терять времени на ее конвоирование, просто застрелил старую женщину. Да и за такой подвиг ему полагались премиальные и отпуск. Это была плата за несколько часов свободы, за единение с природой, без колючей проволоки и окриков надзирателей, за солнце, что светит тебе ровно настолько, насколько всем живым и свободным существам.

Неочерствевшее детское сердце осознавало, что награда не соответствует содеянному, но люди разучились соразмерять свои дела и поступки с вечной реальностью, которая несоизмеримо больше их жестокости и тщеславия.

Дела давно минувших дней

Дедушка Хасан был тонок в поясе, широк в плечах и, разменяв восьмой десяток лет, ходил легкой поступью. Ремень, украшенный серебром, опоясывал талию, высокая папаха была неизменным атрибутом в любое время года и в любую погоду.

Про дедушку Хасана ходило много слухов, чудачества старика вызывали улыбку, уж слишком ревниво он относился к соблюдению старинных адатов и трепетно оберегал границы, установленные законами старины.

Несмотря на солидный возраст, дедушка Хасан был силен, как юноша, и болезни обходили его стороной. Однако пути Господни неисповедимы, и неизлечимая болезнь внезапно уложила старика. Силы стали быстро таять, приговор врачей был неумолим. Старику оставалось жить всего лишь несколько дней. Несмотря на тяжкий недуг, дедушка Хасан был терпелив и ни единым стоном не выдавал боли, терзавшей его тело. Прожив долгую жизнь, старик также поставил себе правильный диагноз. Почувствовав свою близкую кончину, он потребовал поставить в саду кресло, и последние дни своей жизни проводил там, созерцая бескрайние небесные дали, любуясь зеленой кроной деревьев и услаждая свой слух журчанием ручья. Боясь оставить старика одного, бабушка Сацита все время копалась в огороде. Привычные к работе руки находили себе применение, в то время как дедушка Хасан суровым взглядом созерцал происходящее вокруг него. Однажды, проходя мимо сада, сосед увидел привычную картину и в шуточной форме попросил старика улыбнуться хоть раз в жизни бабушке Саците. Дедушка Хасан моментально изрек, что, улыбнувшись ей один раз, ему придется до самой смерти перед ней смеяться. Вот такая философия человека, не желающего ни на йоту отступить от своих принципов даже перед лицом неизбежной смерти.

Старик всю жизнь был строгим и немногословным, семьей и хозяйством управлял единолично и не признавал современного подхода к жизни, когда на решения главы семейства оказывало влияние мнение супруги. Бабушка Сацита соблюдала установленные границы, а ее робкие попытки их пересечь пресекались дедушкой Хасаном самыми оригинальными способами.

Большое семейство дедушки Хасана оставило семейное гнездо, все где-то учились или работали. Исполняя отцовский долг, дедушка Хасан периодически устраивал визиты вежливости, которые, кроме всего прочего, напоминали домочадцам, кто в семье хозяин.

Однажды старик решил поехать в Грозный к старшему сыну. Начищенные до блеска мяхси (сапоги) блестели на солнце, дорогой ремень опоясывал тонкую талию, и папаха придавала законченный вид любимому одеянию чеченских стариков. Если бы надеть на дедушку Хасана современный костюм, со спины он выглядел бы как юноша, идущий легкой поступью, но такого позора себе старик никогда бы не позволил. Нужно было успеть на рейсовый автобус, а это были времена, когда легковые автомобили были большой редкостью и люди передвигались в переполненных маршрутных автобусах. Проводив старика до ворот, бабушка Сацита попросила купить мешок картошки. Дедушка Хасан внимательно посмотрел на супругу, оценил ее очередную попытку посягательства на его мужское достоинство, однако промолчал.

Сын встретил старика со всеми почестями, показал, что живет, как и должно жить мужчине, и при этом придерживается тех же принципов, что и его собственный отец. Правда, с отъездом старика в семье делались поправки на современный образ жизни, однако старику подобные отклонения не демонстрировались. Когда визит вежливости был окончен, а дедушка Хасан наслаждался общением с внуками, сын вложил в карман отца солидную сумму денег, которые тот принял как должное. Мяхси все так же блестели на солнце, поступь была легкой, а взгляд оставался суровым. Доехав до автовокзала, дедушка Хасан произнес таксисту название села, а тот цену, на том и сошлись. Усевшись на переднее сидение, дедушка Хасан попросил так-

систа нанять еще одно такси за ту же цену, купить мешок картошки, и пусть второй таксист повезет этот мешок за нами.

Таксист удивился такой необычной просьбе, но весь вид старика демонстрировал, что это вовсе не шутка. Поездка в такси до дальнего села стоила почти в десять раз дороже мешка картошки, который на тот момент стоил копейки, однако тот выполнил все, как ему было поручено.

Приезд двух городских такси привлек внимание всех сельчан, такого здесь практически никогда не видели. Расплатившись со своим водителем, дедушка Хасан велел позвать старушку. Бабушка Сацита мигом выскочила на улицу и оторопела.

«Расплатись с таксистом и забери свой мешок картошки», – безапелляционным тоном заявил дедушка Хасан. Супруге скрепя сердце пришлось залезть в свой сундук и развязать туго завязанный носовой платок, в котором хранились ее скромные сбережения.

Этот урок бабушка Сацита усвоила хорошо, а дедушка Хасан в очередной раз доказал, что не поступится ничем для защиты своих понятий мужской чести и достоинства.

Вот таким удивительным человеком был дедушка Хасан.

И хотя прошло много лет с тех пор, как старик покинул этот бренный мир, людская память сохранила молву о его рыцарском образе.

И это рыцарство он пронес с юных лет, когда со своим братом Хусейном был отправлен в ссылку в далекий Казахстан. Так уж случилось, что братья оказались разлученными со своей семьей, их отправили в Южный Казахстан, а семью – на его северные окраины.

Рискуя свободой и жизнью, братья скитались в поисках семьи, невзирая на все запреты и ограничения, установленные властью. Хусейн с малых лет был жестким и решительным малым. В этом мире не было ничего такого, что могло бы его испугать. От него исходила грозная сила. Бывают такие люди, что они и слова не вымолвили, но все понимают, что с таким нужно ухо держать востро и следить за своим языком. Хасан же был более спокойным и рассудительным, хотя тоже вовсе не робкого десятка. Несмотря на все невзгоды, братья были крепки и сильны и всегда в состоянии постоять за себя.

Во время своих скитаний они оказались в одном поселке, где по-настоящему лютовал комендант. Из-за своей патологической ненависти к вайнахам он доносами и наветами отправил в тюрьмы и на зоны всю мужскую часть переселенцев и всячески измывался над женщинами и детьми.

Это была пора летнего покоса, и все ссыльные, полуголодные, бесправные и беззащитные, были выгнаны на поля отрабатывать трудодни в колхозе. Попали случайно в эту бригаду и Хасан с Хусейном. Братья к труду были приучены, с косой и вилами управлялись легко и работали в свое удовольствие. Группа чеченских женщин с детьми работали немного в стороне, собирая скошенное сено в стожки. В полдень, когда южное солнце стало припекать, люди устроили себе небольшой отдых, однако на горизонте появился всадник. Хасан с Хусейном видели, как комендант, а это был он, начал кнутом избивать женщин и детей, изрыгая нецензурную брань. Послышался плач, отчаянные крики о помощи и проклятия, но это только разжигало коменданта. Он бил и бил, с какой-то звериной жестокостью, бил остервенело, не жалея ни детей, ни женщин. Братья молча наблюдали за происходящим, оба они были слишком хладнокровны, несмотря на свой юный возраст.

Закончив свою расправу, комендант хлестнул коня и поскакал в сторону парней, размахивая кнутом. Первым он решился ударить Хусейна. Однако сила, многократно превосходящая его собственную силу, сдержала его с седла и уложила на землю. Хусейн приставил к его груди вилы и положил на них свою ногу. Глаза коменданта расширились от злобы и страха, однако он потерял то чутье, которое помогает людям в последний миг хвататься за жизнь. Хасан же положил свою ногу на ногу брата и с силой вдавил вилы в грудь коменданта. Тело

забилось в предсмертных конвульсиях. Хусейн такого поворота событий не ожидал и с изумлением посмотрел на своего брата.

«Больше он не будет избивать наших детей и женщин, и другим неповадно будет», – изрек Хасан. И это были весомые аргументы.

Братья быстро вскочили на коня, и очень скоро скрылись за сизой дымкой горизонта.

С тех пор много воды утекло, быль переплелась с небылью, поменялся ритм жизни, и только неизменными остались понятия добра и зла. На сельском кладбище давно заросли травой могилы двух братьев. Какой была их жизнь, оценит Всевышний, и все же оставили они свой след и в этой жизни, свое видение мира, свою шкалу ценностей, где слово и честь мужчины имели свою неопределимую цену.

За степенностью и неторопливостью выносили они свое решение и, где нужно, были способны остановить тирана, несмотря на то, что такое решение с легкостью могло перечеркнуть их собственную жизнь. Однако только Всевышний ведает, каким будет наш завтрашний день и будет ли он вообще. Мы же можем по своему разумению судить только о делах давно минувших дней. Истина же остается за тем порогом, который недоступен взору и разумению простого человека.

Невежливый кот

Этот случай произошел в Казахстане в пятидесятых годах прошлого столетия. В те времена вайнахам не нужны были гостиницы, любого путника своей национальности чеченцы и ингуши радушно встречали, устраивали на ночлег и оказывали всяческие почести, достойные уважаемого и чтимого всеми человека.

В знойный летний день в поселке, затерянном в бескрайних казахских степях, появился путник. Его с неподдельной радостью встретила семья чеченских переселенцев. Такие странники, кроме всего прочего, приносили новости, а в те времена весь вайнахский род жил в ожидании вестей о скором возвращении домой.

Хозяин дома всячески демонстрировал свое радушие, была приготовлена национальная еда, велась непринужденная беседа. Все проходило чинно и благородно, как и положено по всем канонам адатов гостеприимства. Однако гость категорически отказался заночевать в душном бараке и попросил постелить ему в пристройке. Вместо окна там был проем, откуда задувал свежий ветерок.

Хозяину было неудобно укладывать гостя на ночлег в пристройке, где, кроме всего прочего, под деревянными нарами сидели над своим выводком две важные гусыни, однако гость был непреклонен.

Глубокой ночью, когда покой окутал землю и все спали крепким сном, бродячий черный кот вышел на охоту. Он не был знаком с обычаями кавказского народа. Там, где его рыжие, серые, белые и даже черно-белые сородичи спокойно переходили дорогу, в него летели камни, а без злого окрика вообще редко обходилось. Люди не принимали к сведению тот факт, что черный окрас коту был дан для удачной ночной охоты, а не измышления всяких суеверий. Впрочем, кот не ведал, что является причиной всех его бед. Кроме всего прочего неведения, в его арсенале было и незнание человеческих суеверий.

Если б он родился на Кавказе, кот инстинктивно прочувствовал бы торжество момента, но это был казахстанский кот, и он всецело был поглощен мыслью об удачной охоте, нежели сохранением приличий в отношении гостя. Для сведения, кроме мышей, коты еще охотятся на птиц.

Рядом с пристройкой, где был устроен ночлег для гостя, росло дерево, в ветвях которого черный кот решил поискать свое счастье. Он бесшумно взобрался на него и затаился в густой листве. В ту пору воробьи достаточно хорошо питались на колхозных полях, ожирели и потеряли свою былую ловкость и сноровку. Терпение черного кота почти было вознаграждено, когда залетный воробей уселся на соседнюю ветку и задремал. Однако отчаянный прыжок не принес ожидаемой удачи, воробей упорхнул, а кот аккуратно через оконный проем приземлился на грудь спящего гостя. Естественно, тот от такой неожиданности подскочил, а кот инстинктивно крепко сжал свои когти. Гость, находясь в абсолютной темноте, не понимал, что происходит и какое чудовище на него напало. Ему с трудом удалось оторвать кота от себя, расцарапав в кровь все тело, и отбросить его в угол. Ошеломленный таким поворотом событий, дико рыча, кот нырнул под нары. Две гусыни, чей покой был нарушен самым наглым образом, загоготали, выскочили из-под нары и ринулись искать выход. Расправив крылья, они стали раз за разом атаковать гостя. В них проснулся материнский инстинкт, и они бесстрашно, как им казалось, защищали свое будущее потомство. Попытка кота покинуть негостеприимное и для него тоже жилище через оконный проем не увенчалась успехом. Между свободой и ним стоял человек, и была сделана отчаянная попытка преодолеть эту преграду. Гость был совершенно ошеломлен, не понимая, что происходит и какое неведомое чудовище, которое одновременно издавая совершенно разные и дикие звуки, нападает на него. Шум и грохот из пристройки разбудили хозяев, и они выскочили на улицу. В это время гость, держа в руках свою рубашку,

бежал по степной дороге восвояси. Попытки догнать его оказались безуспешными. Тот бежал быстрее, чем мог бежать обычный человек, даже если на кону стояла его репутация вежливого хозяина.

Таким образом в казахской степи черный кот своим невежеством нарушил вековые кавказские традиции гостеприимства, а хозяева, даже через полвека рассказывая об этом забавном происшествии, смеялись от души.

Дым отечества

Терек нес свои мутные воды к Каспию, унося с собой неведомые для нас тайны. Со стороны кажется, что река уже давно проложила свое русло и спокойно преодолевает знакомое пространство. Однако внимательный взгляд заметит, какие страсти кипят в речной глубине, которые вырываются наружу бурными водоворотами.

Тот кто, думает, что река гостеприимно поделится своей хладной влагой в жаркий день, глубоко ошибается. Кажущее спокойствие реки обманчиво, это приманка, которая сгубила не одну сотню жизней. Человек часто сам нарушает законы природы, река этого не любит и готова платить той же монетой.

Когда-то Терек радовался той жизни, которая кипела в нем, остроносые осетры и жирные белуги тешили реку своим присутствием. Они были детьми Терека, но человек уничтожил их, и река этого не забыла.

Я сидел на берегу Терека, вглядываясь в его мутные воды, и думал о бренности жизни. Мысли уносились в далекое детство, когда я любил каждое утро тайком от родителей прибегать к реке, взбираться на склонившийся над ней тутовник и прыгать в холодные объятия Терека.

Много воды утекло с тех пор, тутовник пал жертвой реки, но вместе с тем изменилось и само ее русло. Там, где четверть века назад протекала река, сегодня пасутся коровы и только влажная песчаная почва является свидетельством того, что когда-то это место было дном бурной реки.

Однако остался неизменным притеречный лес, прошлогодняя листва все так же шуршит под ногами, сухие стволы упавших деревьев создают многочисленные препятствия для путника.

В далеком детстве я осторожно входил в этот лес, страх неведения заставлял сильнее биться сердце, однако любопытство оказывалось сильнее, и я познавал для себя этот зеленый мир.

Сегодня, когда прожита большая часть жизни, я понимаю, что не было в ней ничего лучшего, чем этот дорогой для памяти лес, мутные воды Терека и узкая дорога на Терский хребет, возвышающийся над родным селом.

Мне часто приходилось покидать эти места, долгие годы были прожиты на чужбине. И всегда этот мир доказывал мне, что он не является справедливым местом под необъятным пространством Вселенной, да и я сам не являлся примером благочестия и праведности.

Вглядываясь в реку, я понимаю, что со временем перестану быть частью этого места и сольюсь воедино с желтоватой землей родного края. Та любовь, которая живет во мне, уйдет вместе со мной, однако хочется верить, что любовь к родному краю будет жить и в сердцах тех, кто придет после меня.

Седины, украшающие мою голову, свидетельствуют о начале конца, однако мое сердце трепещет, как и тогда, когда я в первый раз вступал своими босыми ножонками на обрывистый берег бурной реки, проходил по опушке этого леса, боясь его величия и красоты.

Эти места часто приходили ко мне во сне, когда судьба забрасывала меня в чужие края. Там текли более широкие реки, растирались бескрайние леса и степи, морские волны заполняли собой весь мир, однако в моем сердце жили эта река, не столь многоводная и чистая, как другие, этот маленький лесок и начинающийся вздыматься над родным селом Терский хребет.

Мое сердце ныло той странной болью, которая зовется ностальгией. Когда мне удавалось приехать в родные края, я с утра бежал не к родственникам и друзьям, а к узкой тропе на окраине села, по которой отгоняли скот на пастбище. Я мог часами смотреть, как муравьи копошатся вокруг своего муравейника. Мы с ними были земляками и жили на одной земле. Я тогда отчаянно завидовал им из-за того, что они могут жить на родной земле, никогда ее не покидая.

Прошли годы, наш мир оставили немало людей, которые любили меня и которых любил я. В этом мире вместе с любовью я познал ненависть, вместе с дружбой – предательство, вместе с надеждой – отчаяние, и только одно чувство оставалось неизменным всю мою жизнь – трепетное отношение к родному краю.

Я смотрю на мутные воды Терека и верю, что река чувствует мою любовь к себе и отвечает взаимностью, этот лес рад встрече со мной, как и я безумно рад встрече с ним. Я готов слиться воедино с Терским хребтом и знаю, что когда-нибудь это произойдет.

Я вслушиваюсь в разноголосый шум леса, птицы улаждают мой слух своим пением, верхушки деревьев сгибаются под порывом весеннего ветра, и молодые листья шелестят на воздухе. Иногда в глубине леса хрустнет сучок, где-то пробежит неведомый для меня зверек, недобольно ухнет сова, дятел начнет стучать своим клювом по дереву. Лес живет своей жизнью и хочет похвастаться передо мной своими обитателями.

Иногда Терек ревнует меня к лесу, когда я обращаю к нему весь свой слух и взор, и тогда из реки выпрыгивает рыба, показывает свою блестящую на солнце алмазами чешую и исчезает в глубине мутных вод. Чтобы показать свою силу, река, словно щепкой, играет толстым стволом дерева, оказавшимся в бурном водовороте.

Солнце начинает клониться к закату, на опушке леса начинается мычание стада, которое недовольно тем, что пастух отгоняет его со столь благословенного места.

Родные звуки и запахи пьянят мой разум, который возвращается в далекое и безвозвратное детство. Я вспоминаю, как мы с товарищем с опаской входили по узкой, проложенной телегами дороге в лесную чащу. Когда-то это дорога соединяла два близких села, но потом в обход леса проложили асфальт, и дорога опустела и одичала. Мы шли, озираясь вокруг, боясь показать друг другу свой страх. Любопытство толкало нас вперед, хотя мы знали по рассказам взрослых, что в этих местах можно набрести на дикого кабана или волка. Через некоторое время темный лес неожиданно расступился, и нашему взору предстала чудесная поляна, огороженная деревянной оградой. Два круглых стожка сена изумительно пахли летом, и вся аура этого места свидетельствовала о безмятежности и покое. Красивые бабочки летали и садились на ветви деревьев, кузнечики весело стрекотали, подпрыгивая из-за зеленых зарослей. Мы перелезли через ограду и начали весело кричать, бегать, словно во дворе собственного дома. Из-за деревьев на дальнем краю поляны появился старик в черном костюме с косой в руках. Он медленно и устало двинулся в нашу сторону, что нас очень сильно напугало. Мы стремглав бросились из этого места, пройденное с опаской пространство быстро осталось позади, и мы пулей вылетели из леса.

Пройдет много лет, меня призовут на службу в армию, и уже через месяц я заступлю на пост, расположенный в глухом лесу под Ленинградом.

Оказавшись один в ночном лесу, я снова почувствую тот страх, который родился в далеком детстве, когда входил с товарищем в незнакомую мне чащу. Однако мне удастся его перебороть, и я никогда не буду просить, чтобы меня назначали в смену, не приходящую на глубокую ночь. Наоборот, мои начальники всегда будут меня ставить именно в эту смену, уверенные, что я не испытываю чувства страха перед ночным лесом.

Достоинство человека требует от него способностей преодолевать страх, голод, нужду, не показывая никому своих страданий. Когда-то эти качества очень сильно ценились в чеченском обществе. Современный мир, к сожалению, ищет другие приоритеты и преклоняется перед другими чертами характера людей.

С годами максимализм покинет и мое поколение, мы будем подстраиваться под новые человеческие отношения и тем самым изменим мир к худшему.

Тогда, в далеком детстве, я подружился с этим лесом и безумно влюбился в него. Я всегда с трепетом ожидал встречи с ним, по-дружески беседовал с его деревьями, осторожно про-

бирался по тропинкам, проложенным его обитателями и угощался дарами леса. Все тревоги и печали моей души покидали меня, и я возвращался домой бодрым и жизнерадостным.

Я думаю, пройдет несколько десятков лет, и люди вырубят этот лес, чтобы построить на его месте свои дома. Уже сегодня село вплотную приблизилось к лесу, изолировав его обитателей от остального мира. На опушке леса лежат кучи мусора, чья-то равнодушная рука без раздумий опоганила эти места.

Я сижу под красивым дубом, раскинувшимся на берегу Терека, и понимаю, что мы с этим лесом лишние в мире тех людей, которым всегда хочется иметь больше, чем они имеют в настоящий момент.

Мне понадобилось немало лет, чтобы понять, что самыми добрыми существами на свете являются деревья. Именно они готовы бескорыстно отдавать все свои плоды людям, зверям, птицам и насекомым. Никому не нужно прикладывать особых усилий, чтобы полакомиться их плодами, деревья всегда готовы укрыть в своей тени уставшего путника, с радостью представляют свои ветви птицам для гнезд. И даже погибнув, деревья приносят пользу, служа человеку строительным материалом или топливом. Ни одно человеческое творение не способно сравниться с красотой обыкновенного дерева. Вглядитесь внимательно в любое дерево, и вы увидите, насколько оно изумительно. Кажется, это существо, которое понимает все, что происходит вокруг. Оно никогда не будет жаловаться, и пока останется хоть один листочек на его ветвях, оно будет насыщать воздух кислородом, которым мы могли бы свободно дышать.

Въехав в первый раз в разрушенный Грозный, я увидел израненные, посеченные осколками деревья. Они стояли убитые и беззащитные. Они не понимали, как люди могли сотворить такое, ведь они всегда верой и правдой служили им.

Горожане жалели свои разрушенные дома, до деревьев никому не было дела. А когда отстроили новый город, оказалось, что без деревьев он похож на каменный мешок.

Люди быстро поняли, что без деревьев города не могут быть красивыми, и начали озеленять свой город. Когда деревья вырастут, Грозный вновь станет самым красивым городом в мире.

Я вглядываюсь в мутные воды реки, которые чуть не унесли меня еще в ту пору, когда я начал познавать эти места. Долгая разлука с рекой вселила в моем сердце страх перед ней. Я всегда с опаской вхожу в ее воды даже в тех местах, где она неглубока и спокойна. Однако это не мешает мне любить ее сыновей любовью.

Когда-то я посвящал Тереку свои стихи точно так же, как пылкий юноша посвящает их любимой девушке. Если бы я мог словами выразить свои чувства к ней, это были бы самые лучшие стихи на белом свете.

Солнце начинает клониться к закату, и все звуки леса начинает перекрывать кваканье лягушек. Их многоголосый хор доминирует в окружающем мире. Я с неохотой покидаю свое место под дубом, пора собираться домой, туда, где меня ждут хороший ужин, привычный диван и голубой экран телевизора.

Пастух уже отогнал свое стадо в село. Сквозь звонкое пение лягушачьего хора доносится мычание коров и блеяние овец. Южная ночь быстро опускается на землю. В домах сельчан зажигаются огни, и я иду навстречу им, в тепло и уют родного дома.

Даймохк – край отцов

Даймохк – край отцов! Счастлив тот, кто жил на родной земле и похоронен в ней. Каждая травинка, каждый куст, каждый ручеек приветствует здесь тебя, ласкает твой взор. Что может быть мягче травы полей Отчизны, кто еще напоит живительной влагой и укроет в тени своих ветвей? Разве можно выразить любовь к Родине словами? Разве уместится она на листке бумаги? Даже сердце чеченца слишком мало для нее. Любовь к Родине – это не только любовь к ее полям, горам, рекам. Разве может понять чужеземец, что тропинка, скользящая по хребту, милее сердцу, чем шикарные улицы его городов? Сможет ли он посмотреть на мир твоими глазами? Разве расскажут ему листья чинары то, о чем шепчут тебе по вечерам, сможет ли он услышать звук тишины, почуять запах воздуха?

Даймохк! Из чего он состоит, что он в себя вбирает? Что ближе сердцу – песня матери или суровый взгляд отца? Что может быть лучше еды, приготовленной руками матери? Что может быть безопаснее дома, построенного руками отца? Разве может претендовать остальной мир на их место в сердце чеченца?

Можно оказаться за тысячу верст от родного дома, но Родина все равно будет приходить во сне. Человек уснет, и листья чинары прошепчут, как им грустно без него, тропинка расскажет, как осиротела без его ног, ручеек прольется слезами, травы согнуться в скорби великой. Проснется человек, и постель покажется жесткой, еда окажется невкусной, вода не утолит жажды. Вдохнет человек, но разве вздохнешь на чужбине полной грудью?

Счастлив тот, кто живет на родной земле. Придет радость, и поделишься ею с родными людьми, обрадуется чинара, засмеется ручей. Придет горе, и по частице его разберут и тропинка, и травинка, и сердца родных людей. Останется горя совсем немного, и перенести его тогда будет намного легче.

Реки Чечни! Кому-то они покажутся слишком бурными, слишком опасными!

Темный берег,
Лес безмолвный,
Бьется о берег вода.
Злобный Терек в дикой страсти
Обнимает берега.
Вот подмытый наклонился
Над рекою грустный клен.
Скоро Терек жадной хваткой
Загребет крутой волной.
Опьяненный и строптивый
Терек рушит берега.
Веселится в страшной оргии
Темно-мутная река.

Стремительно несется Терек к Каспию, а делать добро успеваает. Выпьет человек терской водички, и болезни покидают его тело, оросит речной водой поля, и щедрый урожай обеспечен.

Ветра Чечни! Они пугают всех, кто к ним не привык, они пугают всех, кто с ними знаком. Но ведь и они обнимают родную землю в страстном порыве.

Ветер, ветер,
Словно страсти,
Что в груди кипят моей.

Ветер словно демон власти,
Дух мятежный, дух – злодей.
Ветер носит, ветер крушит,
Завывает и свистит,
Со своей угрозой страшной
Над Вселенною летит.

Разве можно объяснить красоту ветра? Его дикие порывы чем-то схожи с порывами души жителей гор.

Люди Чечни! Кто они? О них много говорят, и порой трудно понять, где правда и где вымысел.

Белый, белый, белый снег,
Кристалльный холод,
Изумрудный блеск.
Избушка в поле,
Да лунный свет,
Да столбик дыма,
Да синь небес.
В огромном мире
Избушки свет,
Он, как маяк,
Нас манит всех.
Как будто в море
Мы корабли,
Несемся к свету
В тепло любви.
Он словно призрак,
Судьба надежд,
Маячит в холод
Для всех сердец.
Сегодня плохо,
Но верим мы,
Что эра счастья
Ждет впереди.

Люди Чечни! Они, как и все люди на земле, любят и живут надеждами, мечтают и стараются претворить мечты в реальность.

Люди Чечни! Им было очень тяжело в последнее десятилетие. Им так не хватало тепла и света. Они молили Аллаха о мире, они верили, что он придет. Если кто-то еще не знает, кто такие люди Чечни, пусть представит себя на их месте. И тогда он все поймет.

Моя Чечня!

Моя Чечня! Любовь к ней живет где-то в глубине моей души, в самых затаенных ее уголках. Иногда мне кажется, что эта любовь возникла раньше, чем я появился на этом свете. Она передалась мне от моих предков, которые любили свою Родину больше, чем жизнь.

Я познавал Чечню и изумлялся ее красоте, обычаям ее людей, песням, рождающимся от неизбывной любви и тоски, которые нельзя выразить простыми словами.

Маленький домик на окраине села в Притеречье, с окнами на улицу...

Будучи ребенком, я сидел на подоконник и смотрел на Терский хребет, который начинался сразу за околицей села.

Когда-то здесь была большая вода, которая оставила память о себе следами волн на крутой горе, полукругом огибавшей село. Дождевые воды с большого хребта подтачивают сверху нашу гору, и в ней образовались большие выемки, которых сельчане называют пещерами.

В далеком детстве, преодолев канаву-арык с терской водичкой, мы, сельские мальчишки, целыми днями пропадали в этих пещерах. Мы знали каждый выступ в них, каждый грот, каждую выемку.

В одном месте проделано большое отверстие, над которым, словно арка, остается верхняя часть горы. Предание гласит, что это дело рук людей-исполинов, нартов, которые когда-то жили в этих местах. В честь одного из них, Новра, и названо село Невре.

За другой околицей села начинается притеречный лес, который скрывает в своих зарослях широкую реку с мутными водами, несущимися с подножья кавказских снежных гор.

Здесь в изобилии растут деревья с лесными ягодами, которыми мы любили лакомиться. Река же стала частью моей судьбы, частью моей жизни. Еще в недавнем прошлом наши предки не пили воду из-под земли, предпочитая ей мутную терскую воду. Ее вкус напоминал им снежные вершины, возле которых возвышались их родовые башни.

Густой лес разрезала проселочная дорога, проторенная колесами арб и подвод. Когда-то Терек не только питал своими целебными водами землю и радовал сельчан своей красотой, но и служил людям, вращая жернова водяных мельниц. Вот к этим мельницам и вели дороги через притеречный лес.

Я вырос, повидал много красивых мест, радовался, созерцая широкие реки и моря, большие города и маленькие хутора, ютившиеся среди широких долин и степей, узнавая новых людей и познавая их быт и обычаи.

Но в глубине моей души всегда жила моя большая тайна, о которой я никогда не рассказывал чужеземцам. Этой тайной была моя любовь к Чечне, моему благодатному краю. Это любовь особенная, как любовь к матери, которой никогда не становится меньше. С каждым днем она может только возрастать, впитывая в себя боль страданий, выпавших на долю моей маленькой Чечни. Каждая рана в теле моей земли, нанесенная ракетой или снарядом – это рана в моем сердце, это неизбывная боль, которая всегда будет жить во мне и уйдет со мной в могилу.

Грозный – город моего детства. Это был особенный город. Я помню его многоголосые рынки, вкусный запах пирожков, красивые улицы, где каждый встречный улыбается тебе, как родному брату.

Я любил часами гулять по опрятным улицам, улыбаться всем встречным, сидеть в тени деревьев, которых было очень много в моем городе.

Этот город навсегда ушел в прошлое, и никогда уже не будет тех открытых улыбок, дружелюбных лиц, которые делали Грозный самым приятным городом в мире.

Война убила улыбки, разметала дома и деревья, бурей прошла по душам людей, рождая страх и ненависть.

Я ходил по разрушенному городу, где вместо домов были руины, вместо улиц – выбоины от бомб и снарядов. Мой город был наполнен хаосом, смертельной опасностью и болью, и здесь было много чужаков, которые ненавидели и боялись его.

Но это был мой город, и я любил его больше, чем в пору, когда он был в самом расцвете. К моей любви прибавились муки, в которых корчился мой Грозный, и я не мог покинуть его, как не может покинуть свое больное дитя мать.

Я каждый день ходил по его разрушенным улицам на работу, обходя огромные лужи, вслушиваясь в шум очередной перестрелки. Кто-то очень хотел, чтобы тяжело раненый город был убит. Но Грозный выжил, его спасла любовь тех, кто остался с ним до конца.

Сегодня Грозный – один из самых красивых городов страны. Каждый камень, каждый кирпич ложились с огромной любовью тех, кто восстанавливал свой город.

Красивые дома и проспекты, фонтаны и скверы, новые дороги и красивые деревья вокруг них – это моя сбывшаяся мечта, это выздоровевший ребенок, вопреки приговорам всех врачей, это чудо, которое может родить только большая любовь.

Иногда в моей груди рождается большая тоска. Мой взгляд все чаще начинает устремляться в сторону снежных вершин. Любовь, которую вложили в меня мои предки, родилась на их склонах, и моя душа зовет меня к своим истокам, своим корням.

Дорога к Шатою – эта врата рая на земле. Изумительная красота Чечни проявляется здесь, где густые леса пробиваются через черные скалы гор, где родники стекают ручьями с каменистых вершин.

Шатой! Здесь воздух другой! Здесь ритм жизни иной! Что-то начинает врываться в твою жизнь, что-то доселе неведомое твоей плоти, но так знакомое твоему духу. Здесь каждая клетка твоего тела читает неписанные законы гор, которые заставляют тебя считаться с собой. И это очень мудрые законы!

Горы нельзя не любить. Это самое лучшее творение Бога на земле. Горы Чечни для меня – это венец всех творений на земле. Шатой остается далеко внизу, впереди – путь к Итум-Кали. В глубине ущелья в дикой ярости мечется Орга. Но ее стоны – это песня моей души. Мне знакомы ее ритмы. Моя память рождает образ маленькой сакли, приютившейся на склоне высокой скалы. Горная речушка несет свои хладные воды, и вместе с ней ворочает камни. Вода точит камень, и ущелье с каждым днем становится все глубже.

Молодая горянка качает люльку, привязанную к потолку и напевают песню о мужественном охотнике, который пробивается через густую лесную чашу с добычей. Много опасностей поджидает его в пути, но он сумеет их преодолеть, потому что горы отвечают любовью за любовь своим детям.

Жизнь среди первозданной природы у подножий горных громад диктует свои законы. Итум-Кали живет по этим законам, самый важный среди которых – закон гостеприимства.

Но Итум-Кали – не конечный пункт поездки. Горная дорога ведет к городу мертвых – Цой-Педе. Здесь на горных вершинах стоят башенные комплексы – живые свидетели трудолюбия и упорства моего народа. Именно через эти башни предки сумели сохранить свою сущность, свой язык, традиции и обычаи.

Несметные полчища врагов не раз пробивались к ним для того, чтобы убивать детей гор, уничтожить дух гор, но горы помогали своим чадам. На узкие тропы сыпались груды камней, погребая под собой орды неприятелей, острые стрелы и кинжалы скидывали в ущелья вражеские тела, которые разъяренная Орга разбивала об камни и смешивала с песком, чтобы не оставлять даже следа пребывания вражеского духа.

Картины прошлого, как миражи, проносятся перед моим мысленным взором.

Здесь моя жизнь начинает обретать свой смысл, мой дух питается силой, которая очищает ее от скверны, налипшей на нее. Я начинаю размышлять о своем предназначении и понимаю,

что сила гор способна дотянуться до души каждого чеченца. Эта сила объединяет нас и делает народом, достойным уважения.

Когда-то коварному врагу удалось разлучить чеченцев с их горами. Он думал, что рассеянный по бескрайним степям Азии маленький народ лишится этой силы и зачахнет. Но горы не бросили своих детей. Они приходили к ним во снах и питали их своей силой, которая помогла чеченцам выжить и сплотиться. Эта любовь была способна пронизать тысячи километров, она дарила веру и надежду на возвращение. Горы не обманули своих детей. Они и на этот раз оказались сильнее коварного врага.

Я верю, что придет день, когда в чеченских горах вновь будет многолюдно и возле башен снова будет кипеть жизнь.

Возвращение с гор на равнину – это словно дорога в гости до следующего приезда домой.

Как прекрасна моя Чечня! Как прекрасны ее люди! У них, как и у всех живущих на земле людей, есть свои достоинства и свои недостатки. Но чеченцы вменили себе в обязанность почитать старость и приобрели за это мудрость, чтить гостя и приобрели за это уважение других, бороться с несправедливостью и получили как дар мужество и стойкость.

Тот, кто не уважает эти законы, не уважает в первую очередь себя и лишается права входить в сферу их действия. Жизнь чеченца – это исполнение многих обязанностей, она трудна и требует большой жертвенности.

Каждый чеченец обязан исполнять все требования веры, начиная с пятикратного ежедневного намаза, посещать больных и престарелых родственников, провожать в последний путь покинувших сей бранный мир, заниматься воспитанием не только своих детей, но и следить за поведением всех молодых людей и наставлять их на праведный путь.

Многие хотели лишить тебя этих достоинств, моя Чечня! Но ты жива и обращаешься к истокам, как к ручью с живительной влагой.

Береги тебя Аллах!

Правда солдата

Правда солдата

Маленький домик в череде других таких же на окраине Грозного отличался от всех остальных маленькой дощечкой, прикрепленной к двери с надписью «Здесь живет ветеран Великой Отечественной войны».

К сожалению, с каждым днем таких дощечек у нас остается все меньше и меньше.

Поэтому волонтеры из региональной молодежной организации «Патриот» решили для себя, что будет справедливым, если они посетят каждый дом в республике, где живут солдаты – победители фашизма. Ведь правда войны не только в том, что пишется в книгах и мемуарах военных начальников. У каждого солдата на войне была своя правда, выстраданная и оплаченная собственной кровью, своим потом, своей болью, правда, рожденная на холмах братских могил, на пепелищах сожженных сел и деревень.

Ведь война для солдата – это не только бои и сражения, бомбежки и обстрелы, атаки и отражения натиска противника. Война для солдата – это тяжелый труд, когда он в любую погоду вынужден копать окопы, тащить через поля и болота тяжелые орудия, целыми сутками оставаться без еды и питья, ночевать в обнимку с бурей в холодную зимнюю стужу.

Кто может рассказать про цену Победы лучше всех, кроме солдата, прошедшего через все муки и тяготы войны?

Мы приехали в гости к ветерану войны Бауди Чадиеву, чтобы услышать правду из первых уст. Хотя годы берут свое, мы увидели старика-горца, чье сердце еще полно любви к своему Отечеству и своему народу. Но более всего поражает в стариках-чеченцах их любовь к своим матерям. При встрече с другими ветеранами войны мне приходилось наблюдать, как их голоса начинали дрожать только тогда, когда они вспоминали своих матерей. То же самое произошло и при встрече с Бауди, старика охватило сильное волнение, когда он вспомнил, как уходил добровольцем на войну.

Их маленькое горное село Харсеной всполошилось, когда до горных ущелий дошла весть о том, что фашисты вероломно напали на Советский Союз, и страна несет тяжелые потери в начавшейся войне. Вся молодежь рвалась на фронт, и наконец их порыв был услышан, из аульчан начала формироваться команда добровольцев. Когда в сельсовет приехала группа военных и уже было записано свыше шестидесяти человек, Бауди сделал шаг в их сторону. Нежная рука матери постаралась удержать его, ухватившись за его локоть, но Бауди убрал руку матери и встал в ряды добровольцев. Прошло около семидесяти лет с тех пор, но он и по сей день не может себе простить ту обиду, нанесенную матери. Он говорит о матери с глубокой нежностью, и его глаза наполняются слезами. Сколько он доставил страданий той, чьи молитвы уберегли его о смерти, и он прошел солдатом всю войну, оставляя в братских могилах от Кавказа до Чехии своих соратников.

Ратное дело было хорошо знакомо Бауди Чадиеву. Он уже успел отслужить три года в рядах Красной армии. В составе советских войск он прошел Финскую кампанию, занимал западную Белоруссию и хорошо помнит выселение поляков, с некоторыми из которых ему потом довелось свидеться на бескрайних просторах Казахстана, уже будучи самому выселенцем.

В 1942 году новобранцев перебросили в район Краснодара. Враг рвался на Кавказ. Немец был хорошо вооружен и успел познать вкус победы, советские же войска были вынуждены отступать перед сильным натиском противника.

Плохо вооруженных и необученных добровольцев бросили против врага, который танками и артиллерией раскромсал оборону вооруженных винтовками красноармейцев. Однако и сами немцы были немало удивлены мужеству чеченских конников, с саблями наголо несущихся на танковую армаду.

Потеря своих товарищей в первых боях только обозлила воинов. Их разбросали в новые войсковые части, имеющие боевой опыт и достаточно хорошее вооружение. Так Бауди стал артиллеристом.

Его двенадцатитонная пушка прошла на плечах солдат боевой путь от Кавказа до Европы. Иногда бои были столь интенсивны, что приходилось таскать сорокакилограммовые снаряды и заряжать пушку до потери сознания. Каждый удачный выстрел приближал миг Победы, каждый удачный залп спасал жизни своих солдат, поднимающихся в атаку.

Если солдат-пехотинец копал окоп только для себя, то артиллеристу приходилось сначала обезопасить свою пушку и только потом копать блиндажи для укрытия.

Однажды немец засек координаты батареи и открыл интенсивный огонь по ней. Губительный огонь вражеских батарей сносил все в округе. Была дана команда покинуть позиции и укрыться в блиндажах, однако позиция вражеских пушек стало известна и нашим солдатам, и Бауди не был намерен уступать в начавшейся дуэли. Вместе с ним остался и наводчик. Хотя силы были несоразмерны, им удавалось наносить сокрушительные удары по врагу. Вражеским огнем были снесены прицел и защитный бронешит, искореженные пушки валялись рядом, снеженные ужасным смерчем, но смертельная дуэль продолжалась, пока враг не был уничтожен. За этот бой наводчик был награжден орденом, а он сам – медалью «За отвагу», хотя ранее командир грозился отдать его под трибунал за неисполнение приказа покинуть позиции.

Увы, боевые награды бойца-артиллериста стали добычей мародеров во время недавней войны. Остались только благодарности Верховного главнокомандующего И. В. Сталина, которых Бауди заслужил более десятка.

Такая воля и солдатская злость, которые зачастую становились причиной малых побед, приведших в итоге к большой Победе, импонировали в Бауди его командирам и сослуживцам.

Однажды артиллеристы и танкисты расположились в одном городке, готовясь к очередной атаке на немецкие рубежи. Командиром танкового батальона оказался чеченец из Шали, который очень обрадовался встрече с земляком. Он предложил Бауди перейти к нему, и тот согласился, хотя за долгие годы войны уже прикипел душой к своему оружию и боевым товарищам.

Однако предложение комбата-чеченца ввергло в ярость командиров-артиллеристов. Они наотрез отказались отпускать своего опытного бойца, не раз показывавшего свое мужество, умение и смекалку в тяжелых боях.

Офицер-чеченец отступил от своих намерений, увидев, насколько необходим его земляк артиллеристам. Они тепло попрощались друг с другом. Танкист повел свой батальон на Запад. Артиллеристы точными залпами начали очищать дороги перед ними от врагов.

Бауди в своем рассказе вспоминал о деталях, которые не принято открыто обсуждать, но которые хорошо известны тем, кто соприкасался с войной.

Переходя границу Бессарабии, некоторые солдаты начали мародерствовать и насильничать, однако командование быстро прекратило это безобразие в первый же день.

Перед войсковым строем было расстреляно одиннадцать отличившихся вояк. С этого дня мирное население Молдавии могло чувствовать себя в безопасности, потому что решительные действия командования отбили среди войск желание грабить.

К сожалению, мы все стали свидетелями того, что современная российская армия не могла похвастаться таким руководством. Увы, в ней оказалось мало таких честных и порядочных отцов-командиров, преданных своему Отечеству.

Бессарабия запомнилась Бауди еще тем, что там они впервые досыта наелись. Кому-то эта деталь может показаться незначительной, но тяжкий ратный труд войны, отягченный голодом, был для солдат во сто крат тяжек.

Бауди в составе советской армии освобождал Польшу, Румынию, Чехию.

Однажды во время затишья между боями к нему пришел земляк из соседней части. Артиллеристы как раз варили бульон из свежего мяса. Земляк был чем-то сильно озабочен, Бауди подумал, что он голоден, и накормил его досыта. Тот попросил выпить что-нибудь покрепче, и эта просьба была удовлетворена. Затем земляк подал Бауди письмецо-треугольник, трехугольную бумажку, как он выразился, прочитав которую, он узнал о высылке чеченского народа.

Солдат вспомнил предвоенную Польшу, страдания и муки поляков, которых разлучали с Родиной. Бауди не смог сдержать свой гнев, его ярость вырывалась наружу, он начал проклинать Советскую власть, подвергшую такому тяжкому испытанию весь чеченский род от мала до велика. К счастью для него, начальник особого отдела, находившийся там же, не дал хода этому делу, которое по тем временам грозило солдату в лучшем случае лагерями, в худшем – расстрелом. Более того, ни один находившийся там солдат не обмолвился ни словом об этом случае, чтобы не подвергнуть опасности своего боевого товарища.

Наоборот, с этого дня бойцы и командиры стали бережнее относиться к Бауди, понимая, с каким тяжким грузом на сердце ему приходится воевать.

Война для бойцов артдивизиона закончилась в Чехии. Артиллеристы впервые стреляли болванками в воздух, салютуя Победе, добытой в страшной и тяжелой войне против сильного врага.

В 1946 году начальство предложило Бауди вернуться к своей семье, в Казахстан. Его часть собиралась перебазироваться к границе с Японией, и поэтому чеченец отказывался от демобилизации. Боевым командирам было нелегко расставаться со своим бойцом, но они тоже были людьми подневольными и исполняли приказ, даже если он им не был по нраву.

Увешанный боевыми наградами боец двинулся на Восток, навстречу своей каторге, «заслуженной» за четыре года непрерывных боев, за испитую до дна чашу страданий и мук, за пролитую кровь, за до победного конца исполненный солдатский долг.

На одной из железнодорожных станций в Румынии Бауди встретил двух солдат-чеченцев. У них оказалась схожая с ним судьба, они также направлялись в Алма-Ату, где военной комендатуре предоставлялось право определять их дальнейшую судьбу.

Фронтвики прибыли в Алма-Ату, но, когда в поисках комендатуры Бауди обратился к женщине в военной форме, та отсоветовала ему обращаться к коменданту.

Если для чиновников Бауди был просто выселенцем, то для нее он оставался братом по оружию, вместе со всеми рисковавшим собственной жизнью за Родину.

«Всех обращающихся в комендатуру чеченцев отправляют на насильственные работы, будет лучше, если ты найдешь своих земляков и через них узнаешь о судьбе своих близких», – посоветовала она. Бауди последовал этому совету и не ошибся. В Алма-Ате он нашел своих односельчан и родственников, которые помогли ему найти семью.

Из шестидесяти харсеновцев, отправившихся на войну, домой вернулись только четверо, но это не спасло ни Чечню, ни Харсеной от злой судьбы. Солдат до конца испил чашу страданий, выпавшую на долю его многострадального народа.

Сегодня Бауди Чадиев живет на окраине Грозного, но ему и по сей день снится Харсеной, громады скал, нависшие над ущельями, узкие тропы, ведущие от одного дома к другому.

Во сне приходит отец, который сидит на камне возле сакли и перебирает четки, мать, которая возится возле очага, чтобы приготовить вкусное мясо для сына, возвращающегося из армии.

Чтобы задышать полной грудью, Бауди не хватает чистого горного воздуха, утолить жар в груди способна только вода из прозрачных ручьев, змейкой скользящих по древним скалам, хранящим свою тайну о народе, который когда-то жил здесь по законам гор.

Тяжелые недуги терзают ослабевшую плоть ветерана, но его родственники никогда не слышали от него ни одной жалобы. Он всегда остается стойким солдатом. В этом и есть правда старого фронтовика, которым добывал Победу над фашизмом не только мужеством, но и терпением и стойкостью.

Хумайд Гайраханов

Тиха южная ночь. Тысячи звезд мерцают в небе, завораживая взгляд своей неопишуемой красотой. Желтая луна выплывает из-за облаков, ее тусклый свет озаряет светом пыльную дорогу, которая пропадает за околицей села. За плетеным из прутьев забором залает собака, где-то в поле фыркнет лошадь, и все утихнет. И все же тишину ночи нарушают кваканье лягушек, которые заводят свою нескончаемую песню.

Хумайд любил такие ночи. Лежа в стогу свежескошенного сена, он мог часами вглядываться в бесконечную даль неба. Будучи подростком, он остался без отца и верил, что его отец смотрит на него с одной из этих звездочек, радуется его успехам и огорчается при виде его невзгод.

У сельских жителей была забава – они предлагали самому смелому из мальчишек положить папаху на одну из могил на кладбище, расположенном на горе за селом. Другому не менее храброму мальчику предлагалось найти и принести эту папаху. Хумайд всегда первым выказывал готовность принять участие в этой игре, которая требовала от мальчишек незаурядного мужества, учитывая множество слухов, которые ходят в сельской среде о различных страшных историях, связанных с мертвецами.

Такой характер мальчишки вызывал уважение не только среди его сверстников, но и среди односельчан.

В свои двадцать лет Хумайд стал сильным юношей. Он легко управлялся с домашними делами, но его настоящей страстью были кони. Красивые сильные животные чувствовали его любовь и ласку к себе и беспрекословно подчинялись его воле. За околицей села было широкое поле, которое полукольцом окружала гора. Сельчане могли каждый день наблюдать, как всадник, соединившись в одно целое со скакуном, гонял наперегонки с ветром. А потом взмыленный конь с гордо поднятой головой шел вслед за уставшим, но довольным наездником.

Так мирно и текла бы жизнь Хумайда в многочисленных делах и заботах сельского жителя, которые были ему не в тягость, а в радость. Но зазвучал в Чечне призыв добровольцев в Красную армию, и встрепелось сердце юноши, захотелось увидеть дальние земли, стать настоящим воином, попробовать себя в ратном деле.

Мать не обрадовалась его страстному порыву, но разве может птица удержать в гнезде оперившегося птенца?.. Растила она двух сыновей одна, стараясь их уберечь от холода и голода, болезней и невзгод. Она всегда думала, что они беспомощны без ее забот и молитв. Теперь же ее младший сын оставлял ей только молитвы, покидая отчий край.

Большой паровоз натужно гудел, испуская из своего чрева черные клубы дыма. Сотни людей провожали своих родных, которые избрали для себя солдатскую стезю. Всюду слышался гортанный говор чеченской речи. Командиры Красной армии чувствовали к себе доброе отношение этих суровых на первый взгляд людей. Их сыновья и братья скоро станут с ними в один строй, будут вместе делить тяготы армейской службы, а значит, они тоже близкие и родные для них люди. Такова горская мораль – любить друзей своих близких и стоять за них горой, если понадобится.

Паровоз тяжело загудел и медленно тронулся в путь, отвозя своих пассажиров навстречу неизвестности. Это был 1939 год, тревожный год начала Второй мировой войны.

Новобранцев довели до города Житомир, из состава высадили Хумайда. Стоя на перроне и глядя вслед уходящему составу с земляками, он почувствовал себя одиноким и беспомощным в этом огромном мире, точно так же, как в ту ночь, когда чекисты забирали из дому его больного отца.

Он не знал русского языка, не умел ни писать, ни читать. Теперь же ему предстояло жить среди людей, язык и образ жизни которых он не понимал.

Однако солдатская жизнь ему давалась легко, он с детства привык вставать с восходом солнца и честным трудом добывать свой кусок хлеба. Самая большая удача состояла в том, что в армии были существа, с которыми он легко находил общий язык – это были кони.

Командиры попали в сложное положение, получив солдата, который совсем не понимал русского языка, но когда увидели в деле своего джигита, то обрадовались такому бойцу. Его сделали ездовым на тачанке с пулеметом. Казалось, что кони и ездовой – это одно целое. Такое родство душ было удивительным.

Очень скоро молодой солдат нашел верных друзей и среди сослуживцев. Им нравилось, с каким трепетом Хумайд относится к лошадям, как он холит их и лелеет. Кроме воинского искусства, чеченский юноша постигал и азы русского языка.

Однако грамоте он так и не научился. Письма за него писал его командир и друг старший лейтенант Терещенко. Тот всегда находил добрые слова для матери своего друга и восхищался своим товарищем. В далеком чеченском селе лейтенанта Терещенко знали и любили, как своего Хумайда. Помнят его там и до сих пор.

За два года службы Хумайд стал хорошим воином. Полученные навыки и опыт ему очень скоро пришлось применять в реальных боевых условиях. Безжалостный враг напал на его государство с желанием разгромить советскую армию и захватить страну.

Красная армия с тяжелыми боями отступала на восток. Отступали и боевые товарищи Хумайда. Многие сложили свои головы, но те, кто выжил, с большей яростью сражались за каждый клочок земли, за каждую деревню, за каждое болото. Хумайд выжил в этой мясорубке и отвоевывал земли, захваченные немецкими оккупантами. Более того, ему посчастливилось освобождать от врага ставший для него родным Житомир.

Многие его боевые товарищи отдали свои жизни за Родину, но судьба была милостива к двум друзьям. Они всегда держались друг за друга, и каждый из них был готов отдать свою жизнь ради товарища.

В своих письмах друг Хумайда всегда щадил чувства матери, никогда не писал о ранениях, выпадающих на их долю трудностях. Он только не уставал благодарить мать, воспитавшую такого мужественного и порядочного сына.

Последнее письмо от Терещенко в чеченское село пришло из действующей армии Юго-Западного фронта в феврале 1944 года. Он писал, что Красная армия готовится к наступлению и, как будто бы предвидя трагическую будущность, давал слово матери своего друга, что Хумайд будет жить, пока он жив. Если же будет суждено погибнуть, то погибнут они вместе.

Злой февраль вслед за этим письмом принес большую трагедию на чеченскую землю. Весь народ был огульно обвинен в предательстве и выслан в бескрайние степи Казахстана. Вместе со своими соплеменниками была выслана и семья Хумайда. С тех пор была потеряна связь с находящимся на фронте сыном и его другом.

Весть о долгожданной Победе настигла переселенцев в их безжалостной ссылке, и эта весть стала радостной для всех. Люди ждали, что вернуться домой их сыновья. Ждала своего сына и мать Хумайда, ждала так, как могла ждать только мать. Когда стали прибывать эшелоны с демобилизованными солдатами, она ежедневно ходила на железнодорожную станцию, которая находилась в двенадцати километрах от их поселка. Она подходила к каждому солдату и спрашивала про своего сына и Терещенко, но увы, никто ей так и не смог рассказать о ее сыновьях, одного из которых она даже в глаза не видела. С 1945 по 1957 год она ежедневно, зимой и летом, в жару и стужу, ходила на эту станцию к прибытию единственного поезда в надежде увидеть своего Хумайда.

В кармане ее старой телогрейки лежал клочок бумаги, на котором чужим почерком было написано, что ее сын пропал без вести. Это не был почерк названного брата ее сына, а значит, не заслуживал доверия.

До самых последних минут своей жизни мать надеялась, что ее сыновья живы и что они обязательно вернутся домой.

Победитель

В далеком 1943 году Ахмед Устарханов, солдат Красной армии, лежал на перроне тяжело-лораненый, ожидая погрузки в санитарный поезд. Сотни других раненых так же были привезены на эту злополучную станцию. В беспощадно-синеватой дали неба появились немецкие самолеты, которые стали сбрасывать свой смертоносный груз на раненых солдат. На поезде четко были видны красные кресты, ходячие больные раскладывали белые полотенца в форме креста, однако фашистские асы, сделав очередной круг, снова и снова сбрасывали смертоносный вал на расползающихся в ужасе людей. Ахмед тогда не мог даже шевельнуться, он мог только наблюдать, как в воздухе кружились конечности и останки тех, кто еще минуту назад лежал с ним на одном перроне. В тот день смерть сплясала свою ужасную пляску вокруг него, и он был полностью в ее власти, но судьба тогда сжалилась над ним и оставила его жить...

В восемнадцать лет Ахмед сам выбрал для себя нелегкую судьбу солдата. В 41-м году фашистская Германия вероломно напала на его страну. Полчища вражеских солдат хлынули вглубь государства, завоеывая города и села. Будучи слушателем рабфака Грозненского нефтяного института, он был освобожден от мобилизации, однако со многими своими земляками обивал порог Молотовского военного комиссариата города Грозный с просьбой отправить его на фронт. Ему неоднократно отказывали, но настырный юноша в конце концов добился своего, и его зачислили в состав 3-го полка кавалерийской дивизии, которая формировалась из уроженцев Чечено-Ингушетии.

Тогда, в начале Отечественной войны, везде царил уныние. Война всегда сеет смерть и разруху. Люди ежедневно слушали сводку с фронтов, голос Левитана звучал по всей стране, сообщая о новых жертвах и оставленных городах. Передвижение по республике было ограничено, с наступлением ночи в городах и селах воцарялась темнота, контроль над соблюдением светомаскировки и законов чрезвычайного положения был жестким. Любое нарушение установленного порядка могло квалифицироваться как диверсия и шпионаж, а это уже было чревато непредсказуемыми последствиями. Днем почти во всех городах и селах шли митинги, старики призывали молодежь вставать на защиту своего Отечества.

С тех пор утекло много воды. После этого на чеченской земле звучало немало разных призывов. Ахмед знал, что слово имеет громадную силу. Оно может спасти и мирить людей, а может разъединять и уничтожать целые народы. Разные люди бросались здесь словами, люди верили им и шли убивать и умирать. Но свой первый митинг Ахмед помнит хорошо. Старик-чеченец демонстрировал свою рану, вместо руки был обрубок. Когда-то, будучи молодым человеком, он пошел защищать свой народ и не жалел об этом. Теперь пришла очередь других положить свои жизни на алтарь свободы Отечества. Ахмед поверил словам старика, верил он им и сейчас и был убежден, что зов сердца его тогда не обманул. Он не напал вероломно на других, напали на его страну, уничтожали его города и веси. У него тогда был выбор, и он сделал его. С тех пор прошло много лет. Тогда, будучи юношей, он боялся, что война закончится без его участия, и стремился на фронт.

Он отчаянно дрался за свою землю, когда вероломный враг напал на нее, изгонял и добивал фашистов на их земле. При этом до сих пор жалеет безвинные жертвы войны с обеих сторон, с горечью вспоминая про гибель под бомбежками тысяч мирных немцев. Немцы – очень аккуратный и законопослушный народ, приученный к порядку. Тиранам легче управлять таким народом из-за их безоговорочного послушания и почитания власти, считал человек, который получил от них три ранения и потерял на фронте сотни боевых товарищей.

Под Сталинградом

Взвод курсантов Грозненского кавалерийского училища шел строем по центральной улице города. Черные черкески и каракулевые шапки придавали подразделению экзотический и захватывающий вид. Прохожие останавливались, чтобы поглядеть на стройный ряд молодых бойцов, которым предстояло вступить в ожесточенную схватку с хорошо обученным и сильным врагом. Ребятам нравилось такое внимание людей, и они старались четко держать строй и чеканить шаг.

Ахмед старался во всем походить на своего командира, начальника училища капитана Маташа Мазаева. Прославленный танкист и боевой офицер в самый разгар войны оказался в тылу и был назначен обучать будущих... кавалеристов. Тяжелое ранение вывело из строя мужественного танкиста, однако он с нетерпением ждал той минуты, когда вновь окажется на фронте.

Курс обучения был успешно пройден, курсанты ожидали присвоения офицерских званий, когда все училище глубокой ночью было поднято по тревоге и погружено в эшелон. Сначала эшелон доехал до Гудермеса, но затем повернул обратно и направился в сторону воюющего Сталинграда. Паровоз вез мальчишек навстречу неизвестности. Для многих из них бескрайняя волжская степь станет последним пристанищем, однако эта жертва будет не напрасной. Состав остановился на станции Чепурники. Красноватая приволжская степь встретила бойцов палящим зноем и выжженной травой. Воздух был насыщен запахом гари и тревогой предстоящих сражений. Это был июль 1942 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.